Н. Ѳ. Сумцовъ.

КАѲЕДРА

ИСТОРІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ХАРЬКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

СЪ 1805 ПО 1905 ГОДЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1905.

Глубокоуважаемой графине Прасковье Сергеевне Уваровой от автора.

Н. Ө. Сумцовъ.

КАӨЕДРА

ИСТОРІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

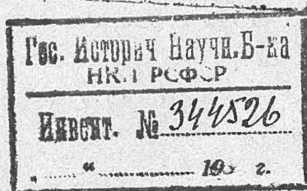
ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ХАРЬКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

съ 1805 по 1905 годъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1905.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Іюль 1905 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. X (1905 г.), кн. 2, стран. 109—129.

Каѳедра исторіи русскаго языка и словесности въ Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ съ 1805 по 1905 годъ.

Исполнившееся 17 января текущаго года столѣтіе Императорскаго Харьковскаго Университета естественно привлекаетъ вниманіе къ его прошлому, и естественно возникаетъ потребность сдѣлать хотя бы приблизительные подсчеты его ученой работы, его вліянія и культурнаго значенія, какъ въ дѣлѣ общаго развитія науки, такъ и въ отношеніи ея мѣстныхъ частныхъ примѣненій и ея развитія въ условіяхъ мѣстной жизни, по отдѣльнымъ каѳедрамъ, въ трудахъ отдѣльныхъ профессоровъ и преподавателей, чтобы выяснить долю работы каждаго, воздать должное лучшему прошлому и съ благодарностью сохранить хорошія традиціи для лучшаго будущаго.

Долгое время въ русскихъ университетахъ каѳедра исторіи русскаго языка и литературы представляла генетическое продолженіе старой риторики и піитики. Въ оффиціальной терминологіи она называлась каѳедрой россійскаго краснорѣчія. Первые ея представители въ Харьковскомъ университетѣ до 50-хъ годовъ смотрѣли на себя, какъ на ораторовъ или поэтовъ, по долгу службы, и почти все свое вниманіе сосредоточивали на разработкѣ стиля. Высшей цѣлью была хорошая торжественная

рѣчь, и къ этой цѣли главнымъ образомъ стремилось университетское преподаваніе. Харьковскій университетъ слѣдовалъ за общимъ научнымъ теченіемъ; въ первое полустолѣтіе въ немъ господствовала риторика, во второмъ—историческое изложеніе.

Если не считать двухъ адъюнктовъ, Гонорскаго и Золотарева, дѣйствовавшихъ короткое время, изъ которыхъ одинъ — Гонорскій, человѣкъ способный и образованный, умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, а другой—Золотаревъ, весьма мало проявившій себя, былъ переведенъ въ Новочеркаскъ директоромъ гимназіи, то профессура по каѳедрѣ исторіи русскаго языка и литературы состояла изъ слѣдующихъ покойныхъ профессоровъ—Рижскаго, Срезневскаго (Ив.), Склабовскаго, Борзенкова, Якимова, Костыря, Метлинскаго, Ник. Лавровскаго и Потебни[1]). За исключеніемъ одного адъюнкта Склабовскаго, бывшаго въ харьковскомъ университетѣ короткое время, но, несомнѣнно, выдававшагося талантами и знаніями, всѣ остальные были полноправными профессорами, занимали въ Харьковскомъ университетѣ видное мѣсто въ теченіе многихъ лѣтъ и принимали, кромѣ чтенія лекцій, участіе въ дѣятельности факультета и совѣта.

Первое условіе для необходимаго развитія дѣятельности заключается въ продолжительности жизни. Судьба была въ этомъ отношеніи скупа къ профессорамъ словесникамъ. Гонорскій скончался 28 лѣтъ, Костырь — 35 лѣтъ, Склабовскій 38 лѣтъ, Срезневскій, Борзенковъ и Якимовъ 51 года, Рижскій 52 лѣтъ, Метлинскій и Потебня 56 лѣтъ и лишь одинъ Лавровскій добрался до 70 лѣтъ. Въ среднемъ на каждаго пришлось около 50 лѣтъ — срокъ малый, и это обстоятельство тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что большая часть профессоровъ словесниковъ происходила изъ духовенства,—сословія, какъ извѣстно, наиболѣе здороваго и долговѣчнаго. Такъ, отъ родителей духовнаго званія были профессоры Рижскій, Срезневскій, Борзенковъ,

1) Далѣе слѣдуютъ нынѣ дѣйствующіе профессоры Н. Ѳ. Сумцовъ, М. Е. Халанскій и А. П. Кадлубовскій.

Склабовскій, Якимовъ, Лавровскій. Нужно думать, что главными причинами такой недолговѣчности были плохія гигіеническія условія г. Харькова и тяжелыя условія служебной дѣятельности, въ видѣ умственнаго труда и нервнаго напряженія, связаннаго съ экзаменами, диспутами, разными недочетами въ личныхъ отношеніяхъ, въ недостаткѣ освѣжающихъ и укрѣпляющихъ вліяній со стороны. Достаточно сказать, что въ 40-хъ годахъ совсѣмъ больнымъ профессорамъ не былъ даваемъ отпускъ за границу для лѣченія.

При оцѣнкѣ труда покойныхъ профессоровъ нужно принимать также число лѣтъ, ушедшихъ на службу и работу собственно въ харьковскомъ университетѣ. Рижскій отдалъ харьковскому университету около 7 лѣтъ, Срезневскій 9 лѣтъ, Склабовскій всего 2 года, Борзенковъ около 20 лѣтъ, Якимовъ 25 лѣтъ, Костырь 3 года, Метлинскій около 14 лѣтъ, Лавровскій 23 года, Потебня 30 лѣтъ. Какъ ни формальны эти цифры, но ихъ нужно имѣть въ виду, при оцѣнкѣ того, что сдѣлалъ и предположительно еще могъ сдѣлать ученый. Если сопоставить, напримѣръ, блестящую и плодовитую двухлѣтнюю дѣятельность Склабовскаго съ скудной и безцвѣтной 25-тилѣтней службой его преемника Якимова, то значеніе личнаго таланта, знаній, энергіи ярко выдѣляется на общемъ фонѣ исторической оцѣнки дѣятелей каѳедры. Выдающаяся ученая дѣятельность Н. Лавровскаго принадлежитъ большей частью Харьковскому университету, а Потебня уже всецѣло входитъ въ исторію Харьковскаго университета, и по подготовкѣ, и по всей службѣ. Кромѣ Потебни, къ числу питомцевъ Харьковскаго университета относятся еще Борзенковъ, Склабовскій, Якимовъ и Метлинскій. Тутъ были вліянія мѣстной высшей школы, и нѣкоторая ученая зависимость въ послѣдовательности нисходящихъ поколѣній, въ смыслѣ, напримѣръ, ученаго вліянія Рижскаго и Борзенкова на Склабовскаго, Метлинскаго на Потебню.

При оцѣнкѣ профессоровъ словесниковъ нужно учитывать заслуги ихъ русскому языку и русской литературѣ, органически и формально тѣсно между собой связанныхъ по всѣмъ университетскимъ уставамъ.

Всѣ профессоры словесники, начиная отъ Рижскаго, питали глубокое уваженіе къ языку. Метлинскій смотрѣлъ уже на языкъ, какъ на выраженіе народнаго самосознанія. Въ 1854 г. въ предисловіи къ «Южнорусскимъ народнымъ пѣснямъ» онъ писалъ: «Проведши бо́льшую часть моей жизни на югѣ Россіи, я могъ трудиться надъ разработкою народнаго слова русскаго преимущественно только на одной изъ нивъ обширнаго поля царства русскаго, южнорусской или украинской. Усердно воздѣлывая то, что досталось въ удѣлъ, по волѣ Промысла, на мою долю, я утѣшался и одушевлялся мыслью, что всякое нарѣчіе или отрасль языка русскаго есть необходимая часть великаго цѣлаго, законное достояніе всего русскаго народа, и что изученіе и разъясненіе ихъ есть начало его общаго самопознанія, источникъ его словеснаго богатства, сознаніе славы и самоуваженія, несомнѣнный признакъ кровнаго единства и залогъ святой братской любви между его единовѣрными, единородными сынами и племенами. Языкъ русскій, какъ и всякій другой, образуется писателями, но силу свою и природное богатство беретъ изъ первоначальныхъ чистѣйшихъ родниковъ своихъ, изъ нарѣчій народныхъ, словно великая рѣка отовсюду, но болѣе всего изъ родной земли, почерпающая свои воды и восполняющая шумное море языковъ человѣчества. Такъ величіе цѣлаго зависитъ отъ правильнаго развитія частей. Словесныя произведенія каждаго русскаго племени заключаютъ въ себѣ и раскрываютъ часть богатства общаго, великаго народнаго духа. . . . Живое народное слово, исполненное прадѣдовскихъ поученій, долголѣтней богатой житейской опытности, хранитель древнихъ преданій, памятникъ древнихъ событій, сокровище слезъ и радостей. . . . живетъ и растетъ по домамъ и по путямъ, на поляхъ и на рѣкахъ, какъ воды и лѣса, какъ горе и счастье, какъ

печаль и радость. Оно близко духу и сердцу народному и благотворно для его нравовъ».

Впервые въ 1856—57 и въ слѣдъ затѣмъ въ нѣсколько послѣдующихъ лѣтъ Н. А. Лавровскій читалъ лекціи о русскомъ языкѣ. Въ отчетѣ ректора университета Фойхта о духѣ и направленіи преподаванія въ Имп. Харьк. ун. за 1856—57 г. дана такая оффиціальная оцѣнка этимъ лекціямъ: «Исторія русскаго языка читана была въ первый разъ э.-о. проф. Лавровскимъ. Руководствуясь идеей, что въ языкѣ заключается разумъ народа и его взглядъ на міръ внѣшній и внутренній, преподаватель старался показать послѣдовательное развитіе отечественнаго языка въ связи съ обстоятельствами жизни русскаго народа, предпославъ введеніе, въ которомъ показаны значеніе, объемъ и содержаніе исторіи русскаго языка и отношеніе послѣдняго къ языкамъ индо-европейскимъ и соплеменнымъ ему нарѣчіямъ славянскимъ, опредѣлены границы русскаго языка и постепенное ихъ распространеніе, разсмотрѣны нарѣчія и говоры русскаго языка и отличительныя черты ихъ. Раздѣливъ исторію русскаго языка на два періода: а) отъ начала письменности до конца XV в. и б) отъ XV в. до настоящаго времени, Лавровскій для представленія по возможности полной и вѣрной характеристики отечественнаго языка, и главнѣйшихъ перемѣнъ, происшедшихъ въ теченіе времени въ его составѣ, подвергалъ подробному анализу всѣ замѣчательныя явленія русской словесности, преимущественно тѣ, въ которыхъ яснѣе и точнѣе высказалась жизнь народа и въ которыхъ съ большою полнотою и ясностью представляются измѣненія и совершенствованія воззрѣній народа, выразившіяся въ словѣ, напр.: лѣтописи, поученія отцевъ церкви, правительственные акты, произведенія народной литературы, произведенія писателей, содѣйствовавшихъ развитію русскаго языка со стороны художественной и народной». Этотъ отзывъ повторяется дословно и въ отчетѣ за 1857—58 г.

Въ положеніи авторитетнаго ученаго въ области русскаго языка и литературы Лавровскій посѣщалъ, по порученію учеб-

наго пачальства, гимназіи, бывалъ на учительскихъ съѣздахъ, высказывался часто въ печати по вопросамъ о преподаваніи русскаго языка и литературы. Между прочимъ онъ былъ предсѣдателемъ на Харьковскомъ съѣздѣ учителей русскаго языка въ 1867 г. Фойхтъ въ концѣ своей рѣчи при открытіи этого съѣзда обратился къ Лавровскому съ такими словами: «Въ заключеніе имѣю честь обратиться къ вамъ, достойнѣйшій Николай Алексѣевичъ! Займите предсѣдательское кресло, которое принадлежитъ вамъ не только по праву профессуры, которую Вы несете съ такой честью, но и по тому авторитету, который Вы стяжали Вашими литературными и педагогическими трудами, по тому довѣрію и уваженію, которыми Вы такъ полно, такъ всецѣло пользуетесь въ нашей ученой и учебной семьѣ».

Какъ высоко стояло уваженіе къ русскому слову въ 60-ые годы видно, напримѣръ, изъ той прекрасной рѣчи, которую сказалъ въ 1867 году попечитель Харьковскаго учебнаго округа К. К. Фойхтъ при открытіи въ Харьковѣ съѣзда преподавателей русскаго языка и словесности. Карлъ Карловичъ Фойхтъ былъ сначала въ Казанскомъ университетѣ профессоромъ по каѳедрѣ русскаго языка и словесности, затѣмъ въ Харьковѣ ректоромъ и попечителемъ. На высокомъ посту попечителя онъ обратился къ собравшимся со всего округа педагогамъ съ такими словами: «Облеченные въ судейскую тогу, вооруженные анатомическимъ ножомъ, помните, милостивые государи, что слово человѣческое есть живой организмъ, а все органическое, все живое требуетъ обращенія осторожнаго, имѣетъ право на судъ просвѣщенный, на любовь чистую и полную. Въ особенности наше родное слово, наше богатое, могучее родное слово должно овладѣть всей вашею любовью, ибо въ немъ и зародышъ, и цвѣтъ, и плодъ нашего народнаго самосознанія, а въ народномъ самосознаніи — народная сила, народная слава»[1]).

---

1) Съѣздъ преподавателей, стр. 7.

Наибольшей силы и блеска изученіе русскаго языка достигло при А. А. Потебнѣ. Академикъ В. И. Ламанскій, лично не бывшій знакомъ съ Потебней, послѣ его смерти писалъ, что въ лицѣ Потебни скончался одинъ изъ «самыхъ крупныхъ самобытныхъ дѣятелей русской мысли и науки». Глубокое философское изученіе языка въ сочиненіяхъ Потебни признано Ягичемъ, Будиловичемъ, Ляпуновымъ и многими другими славистами и лингвистами.

Педагогической практики Потебня не касался; но у него есть другія въ высокой степени важныя и поучительныя стороны въ истолкованіи явленій языка — художественное чутье и чувство гуманности, что въ особенности ярко обнаруживается въ его статьяхъ о малорусскомъ языкѣ. Слово вездѣ разсматривается, какъ органически связанный со всѣмъ строемъ народной жизни продуктъ духовной работы, какъ отраженіе личности народа, весьма важное въ процессѣ человѣческаго развитія. Отсюда искреннее огорченіе Потебни при встрѣчѣ съ попытками денаціонализаціи, или съ проявленіями презрительнаго отношенія къ народной рѣчи. Наиболѣе характерныя въ этомъ отношеніи страницы находятся въ его академической рецензіи на сборникъ пѣсенъ Головацкаго. Въ лицѣ Потебни Харьковскій университетъ выдвинулъ не только глубокаго лингвиста, но и выразителя высшихъ требованій гуманности и справедливости въ той области, которая дороже всего народу, въ области его слова.

Участіе въ литературѣ можетъ быть творческое и изслѣдовательское. Для того и другого требуются различныя дарованія. Первые профессоры словесности пробовали преуспѣть въ обоихъ направленіяхъ; но попытки эти, за немногими исключеніями, были неудачны въ одинаковой степени, какъ для поэзіи, такъ и для науки. По пути стихотворства шли Срезневскій, Склабовскій, Якимовъ, Метлинскій, но муза была благосклонна лишь къ Склабовскому и Метлинскому. Имъ еще давался стихъ, Скла-

бовскому на русскомъ языкѣ, Метлинскому на малорусскомъ, да и то не всегда, и ни одинъ изъ харьковскихъ профессоровъ словесниковъ стараго времени не проникъ въ храмъ литературной славы. Съ ихъ поэтическими произведеніями нынѣ считается лишь терпѣливая библіографія.

Изъ двухъ профессоровъ поэтовъ, Склабовскаго и Метлинскаго, первый былъ талантливѣе второго, и, если онъ менѣе извѣстенъ, то это обстоятельство достаточно объясняется различными причинами: Склабовскій писалъ ранѣе Метлинскаго, почти исключительно въ малоизвѣстныхъ харьковскихъ изданіяхъ; Метлинскій писалъ по украински, и благодарная украинская литература усыновила его; имя его, какъ украинскаго поэта, вошло и въ общіе труды по исторіи украинской литературы, напримѣръ, «Очерки» проф. Н. И. Петрова, рецензію проф. Н. П. Дашкевича, и въ біографическіе словари, напримѣръ, Біографическій словарь профессоровъ университета св. Владиміра, гдѣ отведено нѣсколько страницъ на характеристику Метлинскаго, какъ поэта. Склабовскій былъ забытъ тѣмъ болѣе, что стихотворенія его весьма различнаго достоинства и никогда не выходили въ отдѣльномъ изданіи, что для всякаго стихотворца имѣетъ серіозное значеніе. Склабовскій въ половинѣ 20-хъ годовъ былъ въ Харьковѣ самой крупной литературной силой. Онъ служилъ наиболѣе яркимъ мѣстнымъ отраженіемъ обще-россійскихъ литературныхъ настроеній и интересовъ, удачно владѣлъ стихомъ, смѣло брался за трудныя темы и въ позднѣйшихъ своихъ стихотвореніяхъ большею частью удачно съ ними справлялся. Особенно много Склабовскій поработалъ, какъ мѣстный журналистъ, въ положеніи редактора «Украинскаго Журнала». Здѣсь Склабовскій стремился развить въ мѣстномъ обществѣ не только интересъ къ поэзіи, но и пониманіе ея красотъ, стремился къ самостоятельной критикѣ, выступалъ сторонникомъ просвѣщенія, вообще былъ полезнымъ публицистомъ.

Развитіе профессорскаго стихотворства въ старое время было отчасти обусловлено узкими рамками науки россійской сло-

весности и крайней бѣдностью мѣстныхъ ученыхъ средствъ. Продолжительный полувѣковой періодъ господства въ Харьковскомъ университетѣ піитики и риторики имѣлъ нѣкоторыя хорошія стороны, благотворно дѣйствовавшія на студентовъ въ смыслѣ развитія наклонности къ сочиненіямъ или практическимъ упражненіямъ въ русской словесности. Проф. А. П. Рославскій-Петровскій въ рецензіи на статью Пирогова объ университетскомъ вопросѣ (1864 г.), между прочимъ, говоритъ слѣдующее: «Практическія упражненія въ русской словесности обязательны только для студентовъ историко-филологическаго факультета и для инородцевъ другихъ факультетовъ; между тѣмъ въ Харьковскомъ университетѣ большая часть университетской молодежи принимаетъ въ нихъ живое участіе. Студенты сами, безъ всякаго обязательства, подвергаютъ сочиненія свои суду профессора, который или самъ ихъ разбираетъ, или поручаетъ этотъ трудъ другимъ студентамъ, являющимся въ аудиторію съ заранѣе приготовленными возраженіями, и такимъ образомъ между авторомъ и его оппонентомъ, подъ руководствомъ профессора, завязывается диспутъ, принимающій характеръ оживленной и нерѣдко весьма интересной бесѣды. Самолюбіе, конечно, составляетъ слабую струну въ человѣкѣ, въ особенности молодомъ, но это такая струна, изъ которой можно извлекать прекрасные звуки, если только умѣть взяться за нее» [1]).

Проф. Костырь во время своего кратковременнаго трехлѣтняго служенія въ Харьковскомъ университетѣ (1850—1853) былъ очень требователенъ относительно подачи студентами письменныхъ работъ; онъ провелъ черезъ совѣтъ нѣсколько строгихъ мѣръ взысканія съ неаккуратныхъ. Въ 1850 г., по его предложенію, факультетъ сталъ требовать, чтобы студенты ежегодно представляли по русской словесности два сочиненія или шесть упражненій въ слогѣ. Но студенты, повидимому, очень неохотно исполняли это требованіе. Въ 1853 г., въ маѣ, Костырь за-

1) Рославскій-Петровскій, Русскіе университеты, 65.

явилъ, что сочиненія представили 3 или 5 человѣкъ и 26 оказались неаккуратными, и онъ просилъ, представивъ списокъ ихъ, прибѣгнуть къ понужденіямъ. Въ спискѣ означены рукой самого Костыря фамиліи, число поданныхъ сочиненій и общая отмѣтка. Любопытно, что въ числѣ не подавшихъ сочиненія и отмѣченнымъ нулемъ, находятся студенты 1 курса: Вас. Спасскій, А. А. Потебня, Петръ Тимошенко; 2 курса: Антонъ Хорошевскій; Петръ Вейнбергъ, 3 курса, подалъ 6 упражненій и удостоенъ отмѣткой 4. Факультетъ постановилъ не переводить въ высшій курсъ студентовъ, не подавшихъ сочиненія, но, по смерти Костыря, смягчилъ это требованіе, зачисливъ сочиненія по другимъ предметамъ-

Болѣе всего, повидимому, поработалъ въ этомъ направленіи проф. Метлинскій. Почти половина изъ общаго числа студентовъ въ сороковыхъ годахъ подавала сочиненія профессору россійской словесности. Такъ, въ 1845 году Метлинскому было подано 168 сочиненій, причемъ большинство сочиненій — 95 — было подано студентами юридическаго факультета, 49 студентами филологами и 24 сочиненій медиками. Въ 1846 году подано было Метлинскому 124 сочиненія, въ 1847 — 128 сочиненій, въ 1848 г. — 78 сочиненій, на темы весьма разнообразныя, по древней и новой русской литературѣ, по языку, по этнографіи.

Въ первыя десятилѣтія студенческія работы относились преимущественно къ риторикѣ и піитикѣ. Въ 40-хъ годахъ Метлинскій придалъ имъ болѣе ученый характеръ изслѣдованій на историко-литературныя и этнографическія темы. Профессоръ не избѣгалъ современныхъ темъ. Встрѣчаются, между прочимъ, сочиненія о Лажечниковѣ, Кольцовѣ, выходѣ казаковъ на службу, обрядахъ поминовенія на Дону и т. п.

Изученіе русской литературы распадается на теоретическое и историческое. Теорія поэзіи и прозы всегда занимала въ Харь-

ковскомъ университетѣ видное мѣсто,—изученіе свойствъ и построенія рѣчи красной нитью проходитъ черезъ все столѣтіе. Въ этой области профессоры словесники Харьковскаго университета занимали иногда руководящее положеніе. Достаточно назвать два имени — Рижскаго и Потебни. Рижскій своими изслѣдованіями по риторикѣ и поэтикѣ предопредѣлилъ изученіе этихъ предметовъ почти на полвѣка. Потебня оставилъ глубокій слѣдъ въ изученіи теоріи словесности. Его вліяніе изъ года въ годъ растетъ; опредѣлить нынѣ его объемъ и значеніе нѣтъ возможности, тѣмъ болѣе, что по окончаніи издаваемаго нынѣ посмертнаго труда Потебни по теоріи словесности, откроется новое большое поле для изученія взглядовъ Потебни на различные вопросы стилистики и теоріи словесности.

Были моменты слишкомъ одностороннихъ теоретическихъ толкованій и слишкомъ большого подчиненія Гегелю — разумѣемъ проф. Костыря; но въ приложеніи къ Харьковскому университету эти моменты были непродолжительны и большей частью окупались существовавшими одновременно живыми литературными интересами.

Въ практическомъ приложеніи на лекціяхъ теоретическое преподаваніе въ началѣ 50-хъ годовъ, по свидѣтельству попечителя учебнаго округа Фойхта въ конфиденціальномъ его отчетѣ министру народнаго просвѣщенія, состояло въ томъ, что профессоръ, каковымъ въ то время былъ Метлинскій, излагалъ догматически общія начала прозаической и стихотворной рѣчи, разсматривалъ виды той и другой и давалъ историческое обозрѣніе произведеній древнихъ и новыхъ народовъ.

Въ конфиденціальныхъ отчетахъ ректора Рославскаго-Петровскаго «о духѣ и направленіи преподаванія въ Им. Хар. Ун. за 1855—1861 уч. годъ» сказано: «. . . проф. Лавровскій старался ознакомить слушателей съ современнымъ взглядомъ на науку словесности и ея обработкою. Понимая словесность, какъ живое выраженіе народнаго духа, онъ съ особенной подробностью разсматривалъ тѣ народно-поэтическія произведенія каж-

дой эпохи отечественной литературы, которыя имѣли тѣсную связь съ народной жизнью и оказывали наибольшее вліяніе на послѣднюю. При такомъ направленіи преподаванія, общее изложеніе исторіи литературы входило въ органическую связь съ особыми часами, спеціально назначенными для эстетическаго анализа образцовыхъ художественныхъ произведеній русской литературы. Та же связь подкрѣплялась и практическими упражненіями, которыя происходили подъ руководствомъ профессора и состояли въ чтеніи и разборѣ сочиненій студентовъ на темы, частью ими самими избранныя, частью назначенныя преподавателемъ». Отзывъ этотъ повторяется изъ года въ годъ съ небольшими измѣненіями.

Въ отчетѣ Рославскаго-Петровскаго «О духѣ и направленіи преподаванія въ Им. Хар. Ун. за 1860—1861 г.» отмѣчено, что «Потебня, знакомя своихъ слушателей съ новѣйшими результатами, добытыми изслѣдованіями нашихъ отечественныхъ ученыхъ, въ то же время постоянно имѣлъ въ виду новѣйшіе пріемы обработки вообще исторіи языка, которыми наука обязана преимущественно германскимъ филологамъ. Чтеніямъ объ исторіи русскаго языка предшествовало обширное введеніе психологическаго содержанія: такъ какъ очень многое въ языкѣ еще не осмыслено, то поэтому нужно увѣриться, что въ немъ не можетъ быть ничего такого, что̀ не имѣло бы ближайшаго отношенія къ развитію мысли. Вообще Потебня чрезвычайно серьезно выполнилъ свою задачу въ истекшемъ году, такъ что ученая обработка русскаго языка въ Харьковскомъ университетѣ въ настоящее время удовлетворяетъ вполнѣ современнымъ требованіямъ».

Глубокое захватывающее вліяніе проф. Потебни въ 80-хъ годахъ видно изъ чрезвычайно благодарныхъ воспоминаній г. Горнфельда и г. Кашменскаго. Это вліяніе обусловлено было съ одной стороны необыкновеннымъ богатствомъ содержанія лекцій, съ другой оригинальной личностью самого профессора, вносившаго въ лекціи много личнаго воодушевленія. «Уже съ са-

маго начала, говоритъ бывшій слушатель Потебни г. Горнфельдъ, васъ подкупала эта своеобразная манера изложенія: это былъ простой разговоръ о весьма сложныхъ вещахъ... Точная, сжатая, какъ на мѣди гравированная формула создавалась чаще всего здѣсь, на вашихъ глазахъ... Въ его рѣчи не было ничего предвзятаго, подготовленнаго; все было разсчитано на то, чтобы будить мысль, дѣлать ее ясной, послѣдовательной, самостоятельной. Процессъ мысли совершался въ немъ такъ наглядно, такъ выпукло, такъ изящно, что ученика втягивало въ эту работу... Это не было гладкое изложеніе элементарной системы цеховой науки — наука создавалась здѣсь и вы участвовали въ ея созданіи... Вся система изложенія вела не къ удобству запоминанія, а къ возбужденію мышленія... Факты, сообщаемые имъ, будили новыя отвлеченія, въ другихъ областяхъ мысли, и онъ бросалъ ихъ мимоходомъ. Особенно часто приходилось на долю психологіи, и его психологическіе выводы изъ филологическихъ фактовъ были чрезвычайно интересны... Все вело профессора къ тому, чтобы обставлять свою мысль множествомъ примѣровъ, дѣлать ее какъ можно болѣе конкретной, — его строго положительный методъ изслѣдованія, его основныя идеи о значеніи образа, его поэтическая натура, его обширныя знанія. Онъ легко, широкой рукой черпалъ груды доказательствъ изъ области сравнительнаго языкознанія, исторіи литературы, философіи, психологіи... Профессоръ наполнялъ своей личностью, своимъ содержаніемъ, своими воззрѣніями... Предъ взволнованнымъ слушателемъ вставалъ безконечный просторъ царства мысли, царства правды...».

А. А. Потебня, какъ натура цѣльная, имѣлъ свой взглядъ, свои мнѣнія по многимъ вопросамъ научнымъ и общественнымъ и выражалъ ихъ въ оригинальной формѣ, своеобразной рѣчью. Обладая громаднымъ запасомъ словъ литературнаго языка и нарѣчій народныхъ, прекрасно владѣя малорусскимъ языкомъ, сохраняя въ своей замѣчательно сильной памяти множество народныхъ пѣсенъ, поговорокъ, выраженій лѣтописныхъ, житій-

ныхъ и др., Потебня облекалъ свои мысли въ рельефныя и оригинальныя формы, поражавшія слушателя яркостью и сочностью красокъ. Самая мысль выигрывала отъ этихъ внѣшнихъ формъ выраженія, получала отъ нихъ особенную силу и блескъ.

Новое время, начиная съ 60-хъ годовъ, характеризуется развитіемъ историческаго метода изслѣдованія. Въ первое полустолѣтіе исторіи русской литературы не было въ Харьковскомъ университетѣ и, при господствѣ эстетической теоріи, даже быть ея не могло, какъ краснорѣчиво показываетъ сочиненіе проф. Костыря о Жуковскомъ 1850 г., представляющее нить сотканныхъ по гегеліанскому методу общихъ положеній, а не изслѣдованіе историческаго генезиса. Съ половины 50 годовъ историческій принципъ начинаетъ дѣлать крупныя завоеванія. Научному приложенію этого принципа сначала нѣсколько вредило господство миѳологической теоріи, вызывавшей большой просторъ для личныхъ толкованій.

Въ кругѣ собственно историко-литературныхъ научныхъ изслѣдованій вращались въ новое время лишь немногіе профессоры; но и въ этой области сдѣлано немало полезныхъ вкладовъ. Слабо всегда было лишь извлеченіе и изученіе памятниковъ старинной письменности, слабо по той причинѣ, что въ Харьковѣ и въ ближайшихъ къ нему мѣстностяхъ было весьма мало старинныхъ рукописныхъ собраній литературнаго характера. Были отдѣльные случаи справокъ въ мѣстныхъ и столичныхъ книгохранилищахъ, напримѣръ, экскурсія проф. Костыря въ предѣлахъ Полтавской губерніи для изученія старопечатныхъ книгъ и рукописей; но результаты этихъ изученій и справокъ имѣютъ мало значенія въ исторіи русской науки. По недостатку мѣстныхъ собраній рукописей и старопечатныхъ книгъ, профессорамъ словесникамъ приходилось обращаться къ другому великому хранилищу — народной памяти, и черпать изъ нея матеріалы для ученыхъ своихъ изслѣдованій.

Русская литература — обширное поле. Харьковскіе профессоры словесники поработали съ наибольшей плодотворностью и съ наибольшими результатами въ области изученія народной словесности. Съ 40-хъ годовъ почти непрерывно шло изученіе народной жизни, преимущественно народнаго пѣснотворчества, народныхъ говоровъ, по первоисточникамъ, по личнымъ наблюденіямъ и экскурсіямъ. Кругъ изслѣдованія въ однихъ работахъ захватываетъ южнорусскій или великорусскій фольклоръ, въ другихъ, въ большинствѣ, фольклоръ славянскій и западно-европейскій, въ ихъ связи, соотношеніяхъ и пояснительныхъ аналогіяхъ съ явленіями русской народной словесности. Сборникъ Метлинскаго «Южнорусскія народныя пѣсни» въ свое время, въ 1854 г., былъ выдающимся явленіемъ, и Потебня, по его собственнымъ словамъ, по сборнику Метлинскаго началъ присматриваться къ явленіямъ русскаго языка. Данныя Потебней въ двухъ большихъ томахъ «Объясненія малорусскихъ народныхъ пѣсенъ» представляютъ ученое изслѣдованіе весьма большой цѣнности. Веснянки и колядки здѣсь изучены съ тщательностью и полнотой. Вообще, въ области изученія народной жизни, по даннымъ словесности, въ частности народнаго быта Харьковской губерніи и народныхъ говоровъ Курской губерніи Харьковскій университетъ шелъ въ первомъ ряду, и заслуги его профессоровъ въ этомъ отношеніи не могутъ подлежать спору.

Въ связи съ господствовавшимъ въ Харьковскомъ университетѣ интересомъ къ народной словесности стоитъ изученіе главнѣйшаго памятника древне-русской литературной старины— Слова о Полку Игоревѣ. Комментаріи Потебни внесли въ этомъ отношеніи много цѣннаго.

Профессоровъ словесниковъ всегда привлекала идея широкаго образованія, что обнаруживалось въ актовыхъ рѣчахъ, въ стихотвореніяхъ, въ журнальныхъ статьяхъ, въ спеціальныхъ монографіяхъ, обнаруживалось въ рѣчахъ и статьяхъ Рижскаго, Борзенкова, Срезневскаго, Якимова, Склабовскаго, въ исторической монографіи Лавровскаго о древнихъ русскихъ училищахъ.

Въ новое время Харьковскій университетъ далъ рядъ изслѣдованій о героическомъ эпосѣ великороссовъ, малороссовъ и южныхъ славянъ.

Изъ старинной русской литературы выдвинуты и въ значительной степени разработаны житія русскихъ святыхъ XV—XVI ст., легенды, повѣсти и юго-западная литература XVI и XVII столѣтій, преимущественно второй половины XVII столѣтія.

Восемнадцатый вѣкъ имѣлъ въ Харьковскомъ университетѣ своего знатока въ лицѣ проф. Н. Лавровскаго. Сочиненія его о Ломоносовѣ и Екатеринѣ II свидѣтельствуютъ о его спеціальномъ и критическомъ изученіи русской литературы XVIII ст.

Изъ писателей новаго времени въ Харьковскомъ университетѣ были изучаемы А. С. Пушкинъ, В. Л. Пушкинъ, В. А. Жуковскій, кн. В. Ѳ. Одоевскій, Ѳ. И. Тютчевъ, Я. П. Полонскій.

Профессоры словесности, по мѣстнымъ условіямъ, не могли относиться равнодушно къ украинской литературѣ, тѣмъ болѣе, что собственно Харькову принадлежало нѣсколько выдающихся ея представителей. Мѣстной профессурѣ принадлежитъ нѣсколько статей о Шевченкѣ, Квиткѣ, Манжурѣ, Щоголевѣ, Чернявскомъ. Сочиненія Манжуры, Квитки и Артемовскаго выходили при ближайшемъ участіи Потебни.

Выдающейся и характерной чертой профессоровъ словесниковъ Харьковскаго университета являются ихъ живые педагогическіе интересы. Уже первый по времени профессоръ по каѳедрѣ россійской словесности Рижскій былъ выдающійся педагогъ. Ближайшій его преемникъ проф. Срезневскій свои педагогическіе интересы засвидѣтельствовалъ въ трактатѣ на латинскомъ языкѣ объ обязанностяхъ учителя «De praecipuis characteribus et officiis optimi praeceptoris» и въ статьѣ на русскомъ языкѣ «О преимуществахъ общественнаго воспитанія предъ домашнимъ». Въ обѣихъ статьяхъ проводится идея о необходимости просвѣщенія и выдвигается личность преподавателя. Выдающимся профессоромъ педагогомъ былъ Н. А. Лавровскій. Въ конфиденціальныхъ отчетахъ ректора Рославскаго-Петров-

скаго «О духѣ и направленіи преподаванія въ Им. Харьк. унив. въ 1855 г.» сказано, что проф. Лавровскій читалъ исторію воспитанія и теорію педагогіи, кромѣ того, занималъ своихъ слушателей педагогическими упражненіями. Преподаваніе педагогіи происходило согласно съ современнымъ ея состояніемъ, при чемъ каждое педагогическое положеніе принималось только послѣ разбора мнѣній лучшихъ современныхъ педагоговъ. Такое направленіе преподаванія, съ одной стороны, сообщало прочность педагогическимъ выводамъ, съ другой стороны—знакомило слушателей съ литературою науки. Убѣжденный въ томъ, что наука о воспитаніи и обученіи должна находиться въ тѣснѣйшей связи съ жизнью, должна исходить изъ жизни, дѣйствовать на жизнь, преподаватель старался освободить свое изложеніе отъ того отвлеченнаго характера, которымъ нерѣдко отличаются современныя педагогическія сочиненія, сообщить ему живость и наглядность и вести его въ непрерывномъ обращеніи къ воспитательной и дидактической практикѣ. Въ послѣднемъ отношеніи весьма важнымъ способомъ служили практическія упражненія, состоявшія, во-первыхъ, въ письменномъ рѣшеніи вопросовъ, преимущественно изъ области дидактики, предложенныхъ на опредѣленный срокъ и, во-вторыхъ, въ устномъ изложеніи студентами предварительно заданныхъ имъ темъ, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на пріемы и способы изложенія вообще. Преподаватель дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ двояко: отрицательно, — исправляя недостатки, и положительно, — указывая на лучшіе способы изложенія. Отзывъ этотъ повторялся изъ года въ годъ, съ небольшими измѣненіями. Такъ въ отчетѣ за 1859—60 годъ сказано, что студенты посѣщали гимназію, гдѣ занимались препреподаваніемъ разныхъ предметовъ, по назначенію профессора. Въ отчетахъ 1855—56 и 1856—57 указано, что Лавровскій пользовался, какъ пособіями, сочиненіями Шварца, Нимейера, Раумера и др. Лавровскій посѣщалъ учительскіе съѣзды, предсѣдательствовалъ на Харьковскомъ съѣздѣ преподавателей русскаго языка въ 1867 году, напечаталъ рядъ статей по педаго-

гикѣ. Онъ далъ два спеціальныхъ изслѣдованія по исторіи педагогики въ Россіи—о древне-русскихъ училищахъ и о педагогической дѣятельности императрицы Екатерины II. И позднѣе педагогическіе интересы находили сочувствіе и поддержку въ профессорахъ словесникахъ, какъ видно, напримѣръ, въ возникновеніи и дѣятельности педагогическаго отдѣла Харьковскаго историко-филологическаго общества. Въ изданіи Отдѣла—«Трудахъ» значительное число статей по вопросамъ педагогическаго характера дано университетскими преподавателями исторіи русскаго языка и литературы.

Почти всѣ профессоры словесники обнаруживали стремленіе къ мѣстной печати. Уже второй по счету профессоръ Ив. Евс. Срезневскій былъ иниціаторомъ изданія въ Харьковѣ одного изъ лучшихъ въ свое время провинціальныхъ изданій—Украинскаго Вѣстника. По свидѣтельству его сына, извѣстнаго впослѣдствіи академика, Срезневскій руководилъ трудами редакторовъ, дѣлилъ съ ними заботы по подбору статей и сообразно съ потребностями изданія направлялъ литературно-ученыя работы своихъ слушателей. Научныя требованія въ то время были еще не велики, и легко мирились съ журнальными цѣлями. Въ Украинскомъ Вѣстникѣ Срезневскій помѣщалъ свои стихотворенія.

Въ томъ же Украинскомъ Вѣстникѣ и въ его продолженіи Украинскомъ Журналѣ много поработали Гонорскій, Борзенковъ и въ особенности Склабовскій.

Въ новое время мѣстная печать неоднократно пользовалась сотрудничествомъ профессоровъ словесниковъ, которымъ, по существу преподаваемыхъ ими предметовъ, приходится часто отзываться на общественныя и литературныя явленія, по случаю ученыхъ съѣздовъ, юбилеевъ, поминокъ и т. п.

Вмѣстѣ съ тѣмъ профессорамъ приходилось принимать участіе во многихъ просвѣтительныхъ начинаніяхъ и стремленіяхъ, исходившихъ изъ университета или ученыхъ обществъ, участвовать въ ученыхъ экскурсіяхъ, читать публичныя лекціи, открывать курсы для женщинъ, высказываться на запросы высшаго

учебнаго начальства, присутствовать на пробныхъ урокахъ, принимать дѣятельное участіе въ городскихъ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ и обществахъ.

При этомъ приходилось считаться со многими препятствіями, съ реакціонными и обскурантными теченіями, съ бѣдностью мѣстныхъ ученыхъ и матеріальныхъ средствъ, отдаленностью крупныхъ образовательныхъ центровъ, приходилось принимать на свой счетъ поѣздки, издавать на свои личныя средства диссертаціи, что, при маломъ профессорскомъ содержаніи, сильно отягощало и укорачивало учено-литературную продуктивность.

Говоря о профессорахъ словесникахъ, нельзя не упомянуть о той полезной службѣ, которую нѣкоторыя изъ нихъ несли по учебной администраціи и о тѣхъ добрыхъ отношеніяхъ, которыя всегда существовали съ одной стороны между профессорами, съ другой — ихъ слушателями студентами.

На административномъ поприщѣ выдвинулись и оставили по себѣ добрую въ этомъ отношеніи память Рижскій и Лавровскій. По замѣчательно мѣткому выраженію вдовы Рижскаго, послѣднему выпала тяжелая задача въ своей дѣятельности по первоначальному устроенію Харьковскаго университета «согласовать волю правительства, недостатокъ средствъ и духъ публики», и задача эта была выполняема съ умѣніемъ и усердіемъ. Рижскій насаждалъ науку и работалъ въ интересахъ развитія къ ней стремленія въ мѣстномъ обществѣ, въ то время отличавшемся еще значительной патріархальностью.

Широкая, осторожная и вполнѣ разумная дѣятельность Лавровскаго на отвѣтственныхъ постахъ ректора Варшавскаго университета и попечителя Рижскаго учебнаго округа хорошо извѣстна. Стоя на стражѣ государственныхъ интересовъ, Лавровскій сумѣлъ съ надлежащей осторожностью относиться къ чужимъ національнымъ интересамъ и сумѣлъ завоевать уваженіе людей различныхъ направленій своей справедливостью и корректностью.

Исторія Харьковскаго университета не знаетъ ни одного

столкновенія профессора словесника съ слушателями студентами, ни одного недоразуменія, ни одной оффиціальной жалобы, и вмѣсто того она знаетъ рядъ фактовъ вполнѣ гуманныхъ, почти товарищескихъ отношеній между ними, закрѣпленныхъ во многихъ благодарныхъ историческихъ воспоминаніяхъ бывшихъ питомцевъ Харьковскаго университета. Такъ, уже Рижскій, первый профессоръ словесникъ, относился къ студентамъ съ заботой, лаской и любовью. О Якимовѣ сохранились отзывы, какъ о человѣкѣ добромъ и мягкомъ. Одинокій холостякъ, сердечный Метлинскій, по близости къ студентамъ, былъ идеальнымъ профессоромъ. Двери его скромной квартиры и шкафы его библіотеки были всегда для нихъ открыты. Одинъ изъ его благодарныхъ учениковъ и друзей Де-Пуле говоритъ, что «благодушный профессоръ помогалъ каждому, чѣмъ могъ, всѣми своими скромными средствами, матеріальными, научными, основанными на служебномъ положеніи и житейскихъ отношеніяхъ». Лавровскаго, при отъѣздѣ его въ Нѣжинъ на постъ директора филологическаго института, чествовали прощальнымъ обѣдомъ профессоры и студенты. О Потебнѣ, какъ личности, имѣется рядъ восторженныхъ отзывовъ его слушателей студентовъ.

Любовь къ русскому слову, любовь къ учащейся молодежи, посильное стремленіе послужить имъ—все это отраженіе общей любви къ родинѣ, которая наполняла сердца профессоровъ словесниковъ. Основатель Харьковскаго университета В. Н. Каразинъ сказалъ, что цѣлью всѣхъ его просвѣтительныхъ стремленій была Россія и Украина въ неразрывномъ единствѣ ихъ духовныхъ и матеріальныхъ интересовъ; этотъ лозунгъ былъ унаслѣдованъ всѣми профессорами словесниками, и всѣ они трудились въ этомъ направленіи. Общія и мѣстныя просвѣтительныя цѣли шли у нихъ въ полной взаимной гармоніи. У однихъ, напримѣръ, у Лавровскаго, по условіямъ времени и мѣстныхъ обстоятельствъ или по свойствамъ личнаго характера, брали перевѣсъ всероссійскіе интересы, у другихъ, напримѣръ, у Метлинскаго, перевѣсъ былъ на сторонѣ украинскихъ изученій; но у

тѣхъ и другихъ было нѣчто высшее, объединяющее духовные интересы и научныя стремленія. Общей для всѣхъ чертой представляется гармоническое сочетаніе живаго патріотизма съ національной терпимостью. Большой почитатель славянскаго языка и ревностный патріотъ Рижскій къ западно-европейской наукѣ и къ иностранцамъ-профессорамъ относился ласково и радушно. Для всѣхъ общей чертой было уваженіе къ нравственному достоинству личности и народности, и горячее желаніе трудиться для прогрессивнаго развитія всей Россіи вообще и Украины въ частности.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

